

ДВОРЕЦ (Ê - GAL)

В дошедших до нас многочисленных урартских клинообразных строительных надписях весьма часты упоминания о сооружениях, которые в этих клинописях отмечены идеограммой Ê-GAL. Эта идеограмма, буквально передававшая два слова «Большой дом», в ассирийской клинописи означала «дворец». Но в то же время в ряде урартских текстов термин Ê-GAL, сопровождавшийся эпитетом «укрепленный», стал переводиться также как «крепость» или же «цитадель». Подтверждением такого положения послужили, кроме того, и ассирийские источники, описывающие урартские крепости как опоясанные двумя, часто тремя рядами мощных стен с башнями и рвами перед ними. Являясь, таким образом, сильно укрепленными, крепости, как сообщают те же ассирийские источники, служили местопребыванием войск или стоянкой гарнизонов урартских царей. В них, как это видно по примерам крепостей Аргиштиуна и Калланиа, о чем сообщает ассирийский царь Саргон, были лучшие бойцы, победоносное в битвах войско — пращники и копьеносцы, надежда его страны.

Наглядным примером того, что урартские крепостные постройки действительно были мощными сооружениями, являются их изображения на ассирийских и урартских памятниках. Так, на бронзовых обивках ворот Салманасара III имеются изображения крепостей Сугунии и Арзашку, а на рельефе дворца Саргона — крепостей страны Мана и города Мусасир. По ассирийским текстам известно, например, что Тиглатпаласар III оставил осажденную им столицу Урарту — город Тушпу — и отошел от нее, разуверившись в возможности ее захвата; также и Саргон отказался от мысли осадить Тушпу даже во время своего успешного похода против Урарту в 714 г. до н. э.

Многочисленные клинообразные надписи постоянно указывают на то, что урартские крепости занимали, кроме того, и важное хозяйственное положение в стране. В них хранилось большое количество продуктов: зерно (пшеница, ячмень), вина, а также скот. О богатых амбарах урартских дворцов рассказывает ассирийский царь Саргон II в связи со своим походом 714 г. на Урарту, когда он опустошал целые области в стране, вырубал деревья, уничтожал посевы. Саргон везде находил «полные амбары», «ячмень без счета», «душистое вино, текущее как речная вода». В области Сангибуту Саргон II в своем лагере образовал навалы из пшеницы и ячменя, «как холмы».

Наглядным свидетельством хозяйственного значения крепостей того времени служат открытые в них помещения с карсами, являвшимися складами-амбарами, а также производственные помещения для перера-

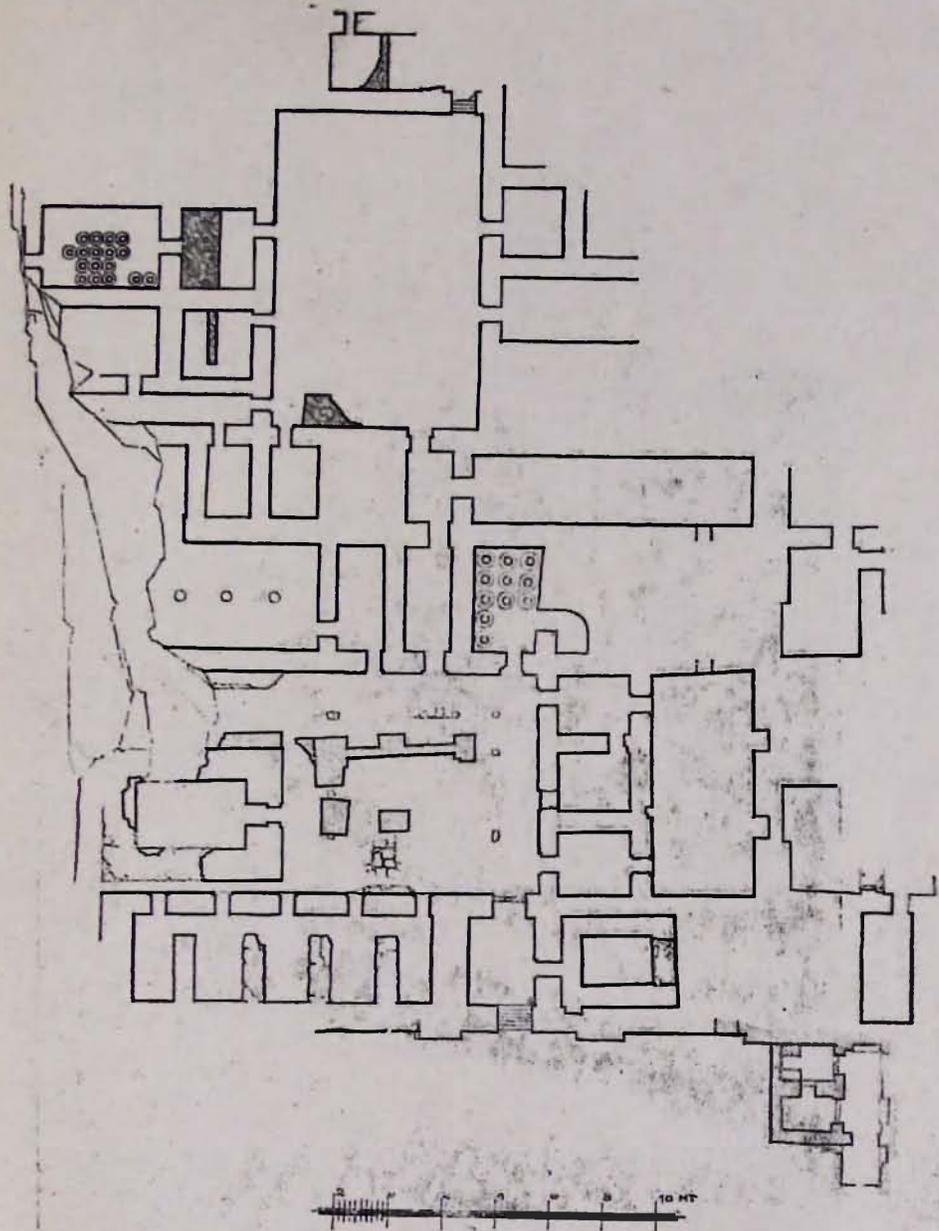

Рис. 4. План дворца (E-GAL)

ботки сельскохозяйственных продуктов, хорошо представленные раскопками на Кармир-блуре. К этому можно добавить, что во многих урартских крепостях существовали литейные и другие мастерские, где обрабатывались железо, медь, бронза, а также серебро и золото. Однако не все эти крепости обозначались в клинописи термином E-GAL.

Высказывались предположения, что Ê-GAL сооружались вместе с городами URU представляя в них, видимо, возвышенную часть цитадели, на которой, как правило, урарты соорудили дворцы. Но, очевидно,

Рис. 5. Вход во дворец с клинописью Аргишти, сына Менуа

не все города или поселения имели Ê-GAL-ы, поскольку в древних сообщениях о захвате и разрушении урартских поселений Ê-GAL встречается значительно реже крепостей и городов. Поэтому, естественно, возникает предположение о том, что под термином Ê-GAL разумеется

крепость, в которой находится дворец царя или правителя области. В этом случае употребление ассирийской идеограммы «дворец» будет вполне понятно. Это согласуется также и с тем, что по клинообразным надписям Ê-GAL часто упоминается вместе с культовыми сооружениями, как, например, с Susi, воротами бога Халди и др.

На Арин-берде в воротах была открыта клинопись с текстом: «Величием Халди Аргишти сын Менуа этот Ê-GAL величественный построил». Это первый случай, когда представляется возможность связать наличные строительные остатки с определенным термином и вложить в этот древний термин конкретное содержание. Раскопки Арин-берда подтвердили, что под термином Ê-GAL следует понимать крепость с дворцом и культовыми сооружениями, которая служила, вероятно, резиденцией урартского царя во время его походов в Закавказье.

Дворец Эрбуни сохранился довольно хорошо. Стены, уцелевшие до высоты 3—4 м, обрисовывают его общий план с парадными залами, культовыми помещениями, жилыми комнатами, кладовыми и открытыми дворами. Наличие строительных остатков дает достаточный материал для реконструкции архитектурных форм дворцового комплекса.

Дворец Эрбуни, с точки зрения своей плановой композиции, представляет вполне законченную и самостоятельную архитектурную форму, но он не занимает цитадель полностью, а является только ее частью.

Занимая весь северо-западный участок цитадели, дворец выходит на ее площадь, по оси которой было воздвигнуто грандиозное здание с портиками по фасаду. Фасадная стена дворца, прямолинейно очерчивающая его границу на данной площади, обрисовывает в этой части полностью сохранившийся контур. Хорошо различимы и северо-восточные границы дворца, теперь уже в основном раскрытые. Что касается его юго-западной стороны, то здесь он разрушен по всему своему контуру. Остатки стен и помещений можно видеть в обрывах крутых скатов холма.

При раскопках отчетливо прослеживаются элементы более поздней реконструкции, которая коснулась средней дворцовой части, где был воздвигнут ряд капитальных стен, основательно изменивших начальную плановую композицию. Тогда же был застроен и двор северной части; с юго-восточной стороны было пристроено небольшое здание, состоявшее из трех помещений. Особенно четко проявилась перестройка в закладке дверных проемов и возведении дополнительных стен, цокольные ряды которых лежат выше цоколей первоначальных урартских построек.

Поэтому для того, чтобы показать плановую композицию урартского дворца VIII в. до н. э., необходимо отвлечься от искаживших его пристроек и переделок (рис. 4).

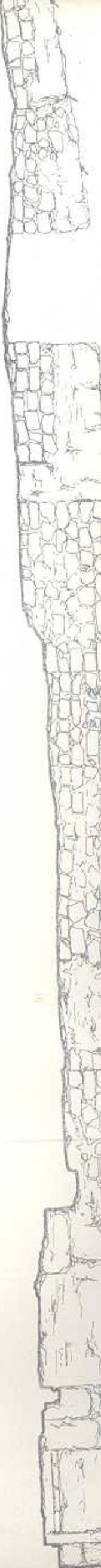
Вершина холма, на котором был сооружен дворец с его монументальными постройками, была выровнена до начала строительства. Остальная часть холма, в том числе и участок, занятый северной половиной дворца, имеет некоторое падение своего рельефа. Следовательно, здесь имеются различные рельефные условия для дворца, главная часть

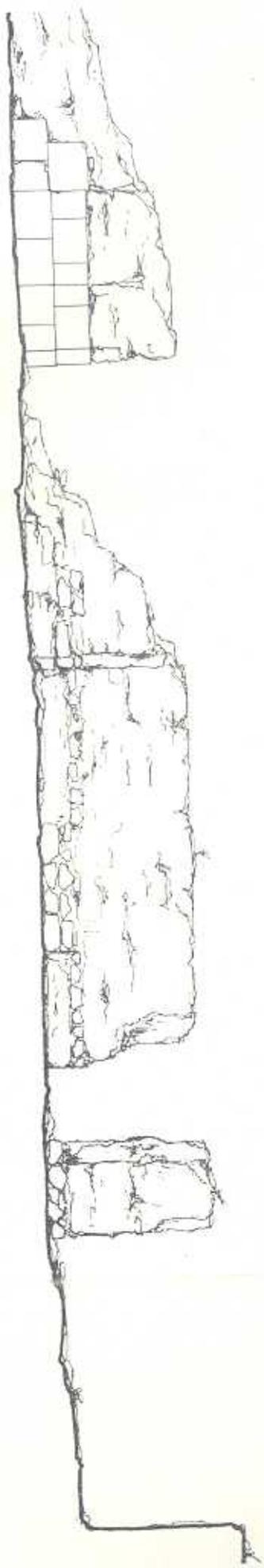
Рис. 6. Дворец. Северо-восточная стена перистильного двора

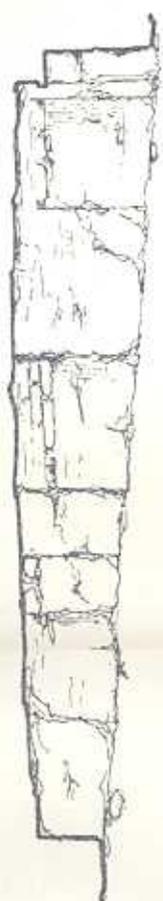
Рис. 7. Дворец. Северо-западная часть перистильного двора

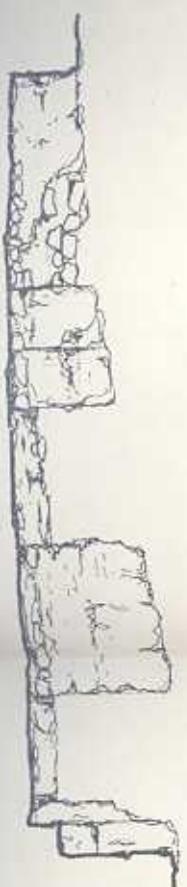
PASPEJ 5-5

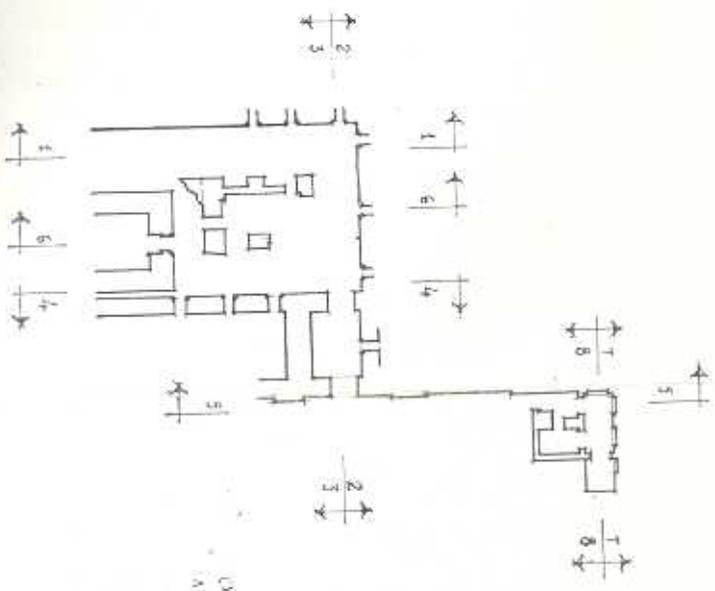
PASPEJ 6-6

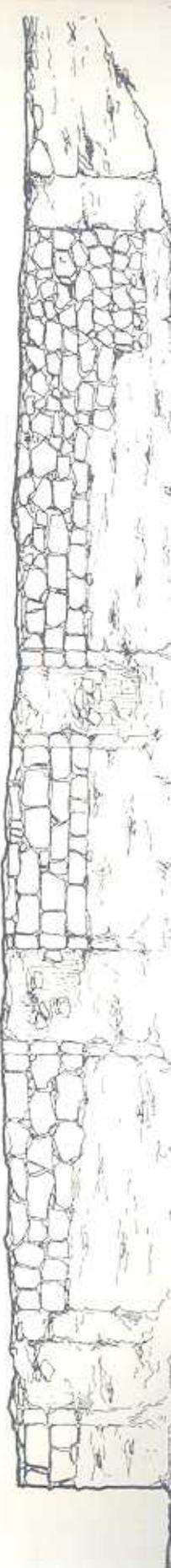
PASPEJ 7-7

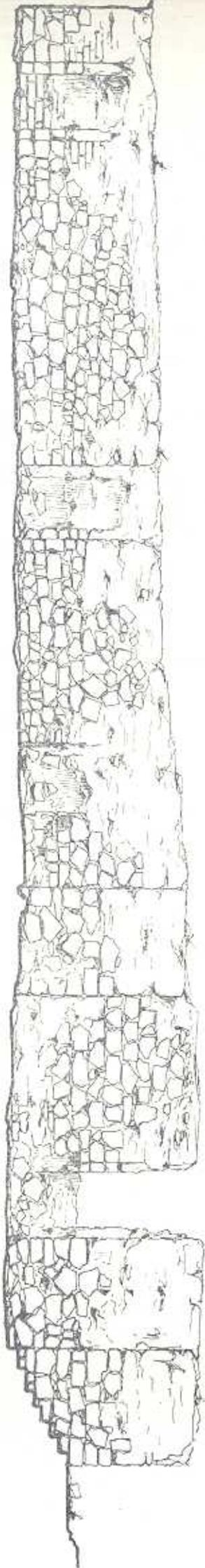
PASPEJ 8-8

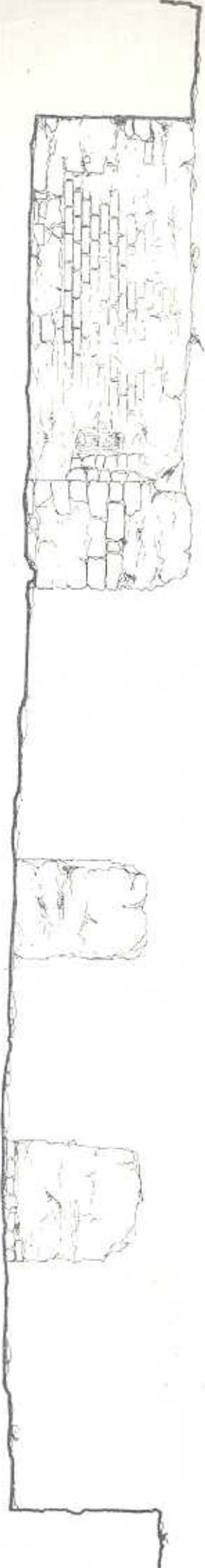
УЧЕНА НАМА С ОДОБРАНЕИМ
 АНУМА ОАСПЕЈОБ.

PASPE3 1-1

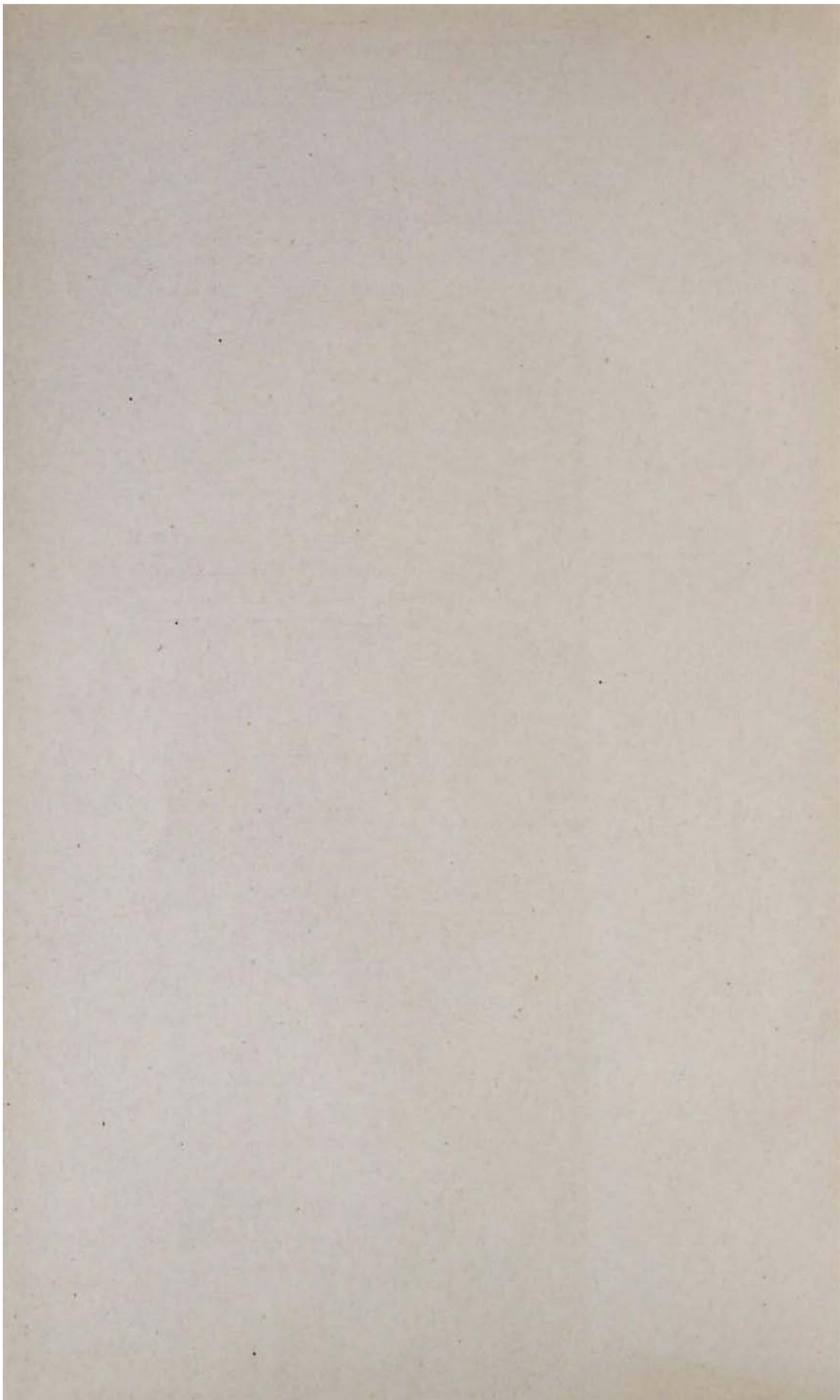
PASPE3 2-2

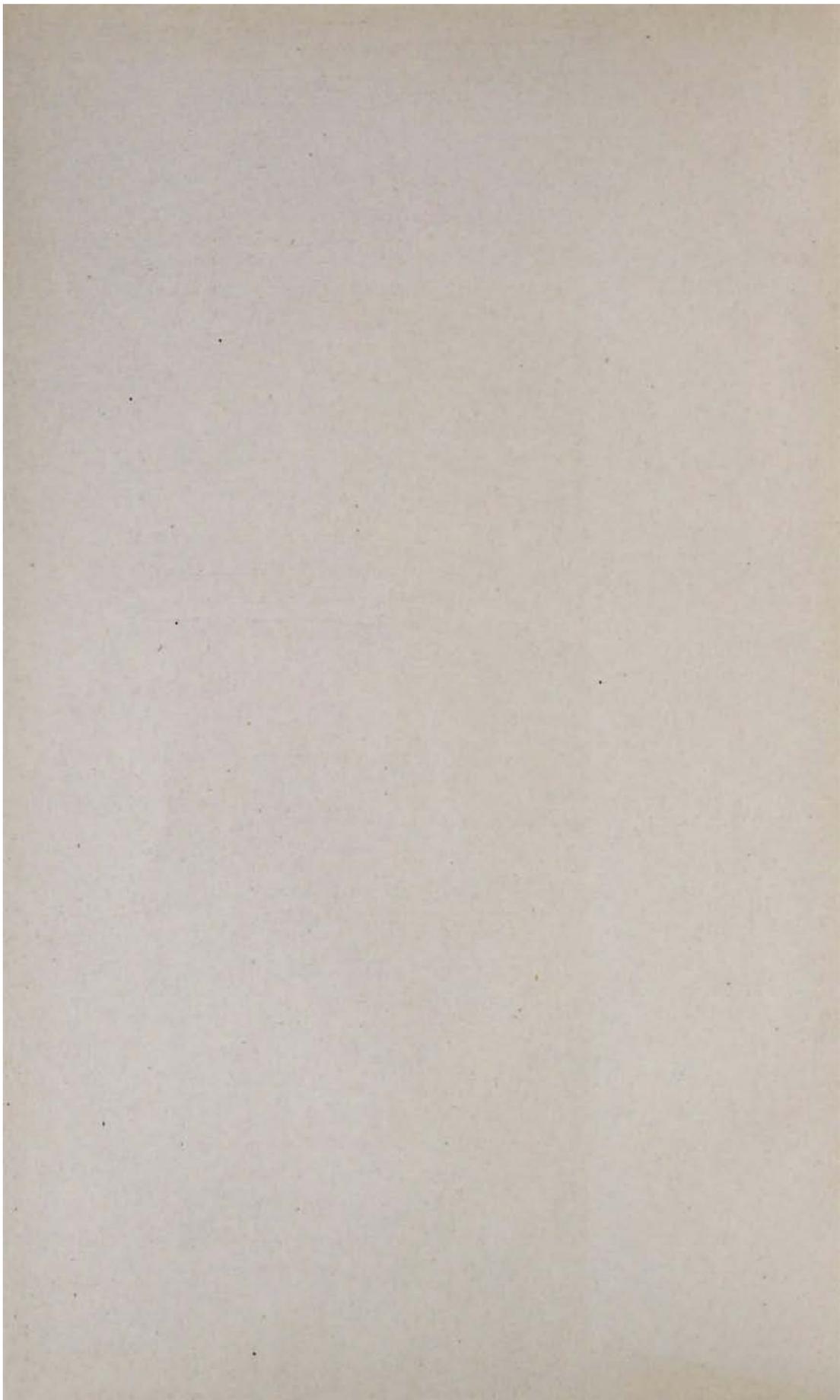

PASPE3 3-3

0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

которого расположена на выровненном участке. И, здесь, на этом участке, мы впервые встречаем в урартском зодчестве архитектурную форму перистильного двора. Как стало теперь видно после детальных раскопок, все главнейшие помещения дворца сгруппированы вокруг этого двора, имея с ним тесную функциональную связь. Перистильный двор, надо полагать, являлся официально-парадной частью дворца, поскольку там, в юго-восточной части двора, стоял храм Susi. Кроме того, устроенная перед храмом у юго-восточной стены приступка из сырцового кирпича, а перед ней мощный из базальтовых плит пол и каменный блок со ступенькой также имели культовое назначение.

Исходя из характера найденного здесь археологического материала, можно предположить, что и остальные помещения, окружавшие перистильный двор, были официально-парадными, т. е. служили для официальных приемов или культовых церемоний.

Дворцовые помещения, расположенные севернее и в основном имеющие хозяйственное назначение, группируются около второго двора, расположенного на косогоре; во двор с северной части вела небольшая лестница.

Описание этой части дворца, еще недораскопанной, не входит в настоящий отчет.

Средняя часть дворца, как представляющая собою перистильный двор, имела размер 17×19 м. В этом прямоугольнике, очерченном внутренними стенами, было обнаружено семь базальтовых плит от баз (из общего числа 14), на которых ранее были установлены деревянные колонны, расположенные по пяти в продольных и четыре в поперечных портиках перистилия. Судя по этим базам, расстояние между осями колонн равняется 4 м, а глубина портиков — 4 м.

Граница северного портика перистилия была отмечена также и водосток-трубопроводом под полом, который отводил дождевые воды со двора в северном направлении²⁴. Двор был вымощен мелким булыжником, а в портиках, поверх этой вымощки, обнаружен выравнивающий слой глиняной обмазки.

Все стены перистильного двора, включая и главный фасад храма Susi, были оштукатурены глиной с примесью мелкорубленой соломы, окрашены в синий цвет и украшены росписями. В разных местах портиков, почти у самых стен, среди обвалившейся глинобитной массы, при раскопках постоянно обнаруживались отдельные фрагменты этих росписей, постепенно складывающиеся в процессе их реконструкции в единую композицию.

Реконструкция этой композиции показала, что она принадлежит фризу, идущему по контуру стен всего двора, и посвящена культовой тематике.

²⁴ Трубопровод, уложенный под полом E-GAL, имеет хорошую сохранность каменных деталей данной системы. Установлено также, что уровень полов портиков, судя по северной стороне, был устроен выше уровня двора на 20 см.

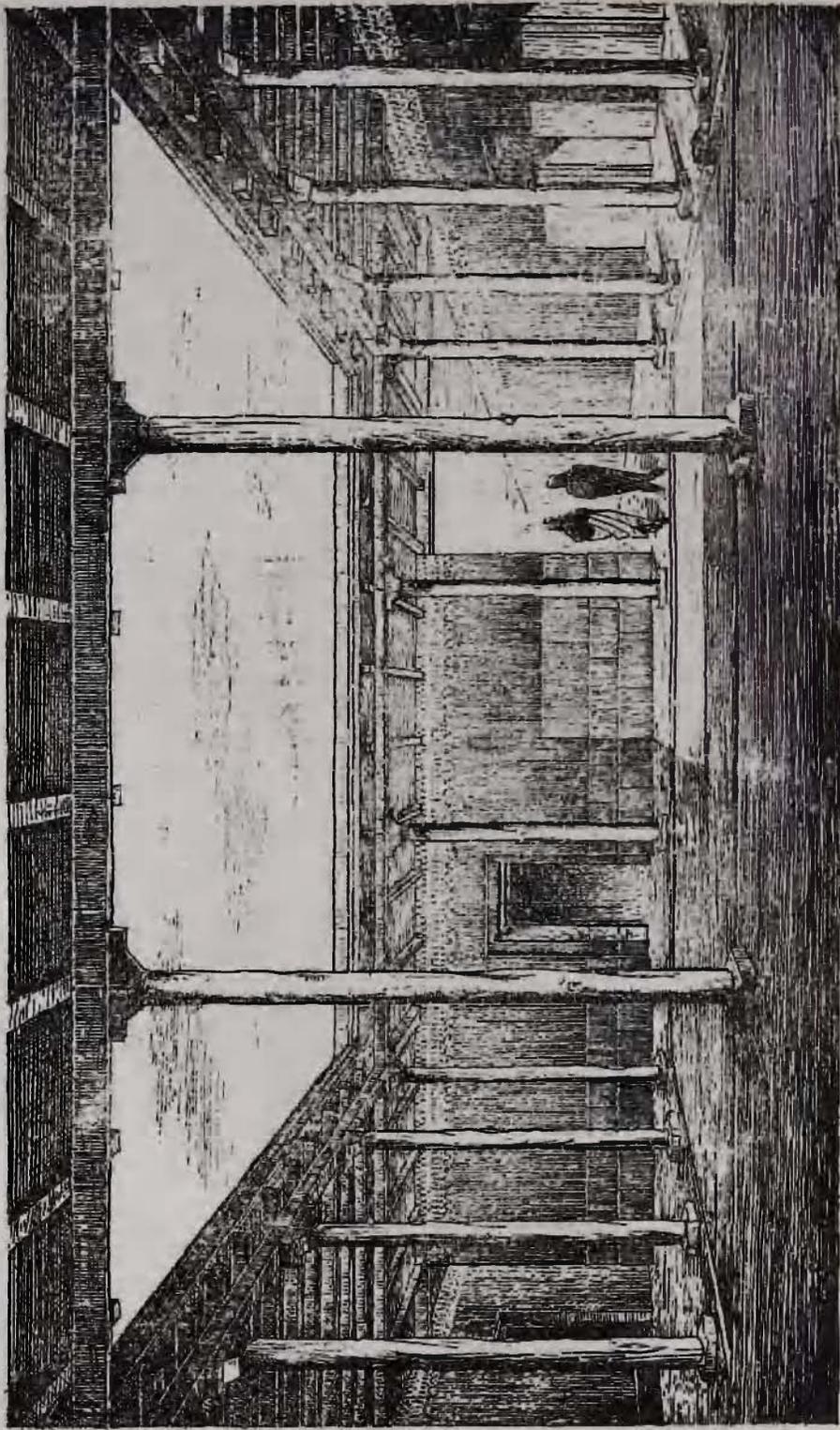

Рис. 10. Дорей. Реконструкция перистильного двора

Как выявили исследования некоторых остальных помещений дворца, роспись и окраска стен была и в них и в храме Susi. Таким образом, наличные остатки перистильного двора, как, например, стены сго общего контура, плиты от баз для колонн, алтарные сооружения в средней части двора, водосток и др., вполне обрисовывают его былой план. Исключив поздние застройки на основе этого плана, легко можно установить организацию внутреннего пространства перистильного двора и составить реконструкцию его былых архитектурных форм.

Однако для этой реконструкции нет аналогий ни в урартском, ни в месопотамском материале. Наличными являются лишь данные, полученные при настоящих раскопках. В результате архитектурно-пространственная композиция перистилия составлена в лаконичных формах, без каких-либо детализаций (рис. 10).

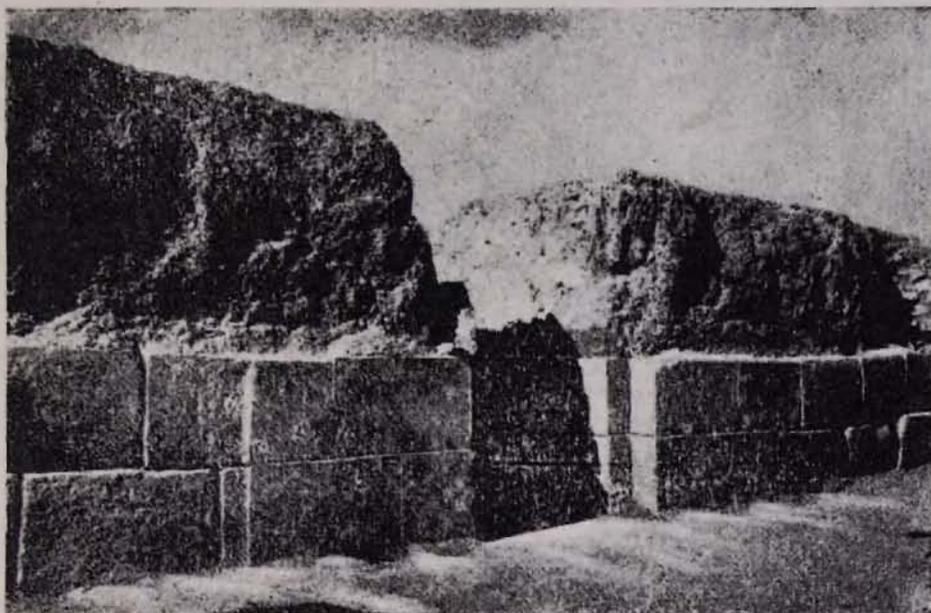

Рис. 11. Храм Susi. Главный фасад

В предлагаемой реконструкции, обусловленной наличным планом, неустановленными остаются лишь высота и диаметр деревянных колонн, размеры которых на месте ничем не были определены. Поэтому размеры этой высоты приняты в соответствии с конструктивной необходимостью, а также на основе приемлемых архитектурных пропорций. В основном, однако, высота портиков перистильного двора обусловлена высотой помещений, которые в данном случае являются наиболее точным ориентиром и имеют 4,2 м высоты.

В реконструкции показаны также архитектурные росписи в виде фриза на стенах двора и Susi, перед которыми находились их разрозненные остатки. Эта роспись оказалась идентичной росписям как внутри храма, так и в перистильном дворе, что определенно сближает их по тематическому содержанию.

Итак, общие формы перистильного двора, его плановое и пространственное решение, а также художественное оформление стен богатой и многокрасочной росписью, говорят о нем как о вполне сложившемся и зрелом архитектурном строении.

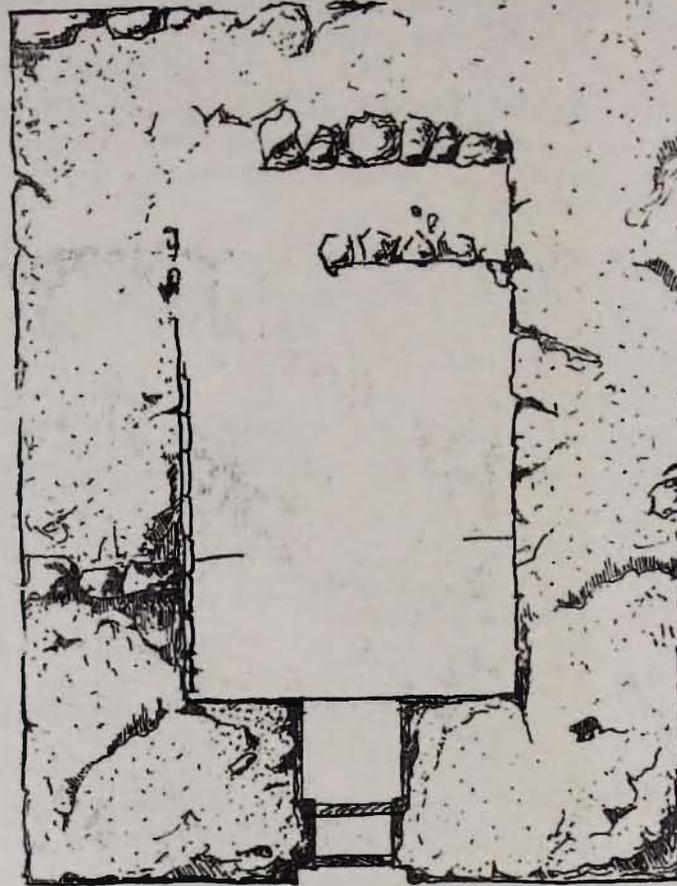

Рис. 12. Храм Susi. План (обмер)

В этом замкнутом в себе перистиле, доминирующем в центральной части дворца, довольно слабо подчеркивается расположение храмового сооружения Susi. Кроме того, расположенный за поперечным портиком, храм установлен не на центральной оси перистиля, а на оси смежного интерколумния. Это уже говорит о том, что в данной пространственной композиции ее ядром является именно перистильный двор.

Храм примыкает к перистильному двору с западной стороны, стоит в ряду с другими помещениями дворца и обозначен в двух идентичных надписях, высеченных по обе стороны от входа, термином Susi. Этот термин весьма часто встречается в урартских клинообразных надписях, но

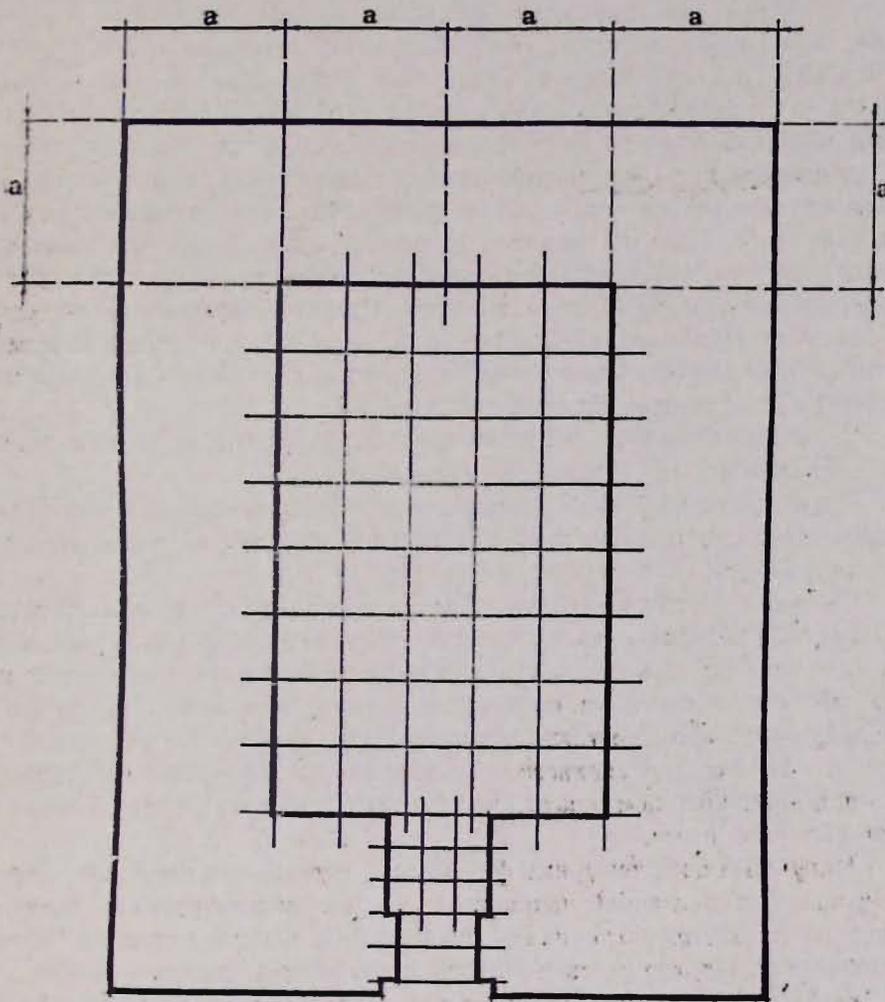

Рис. 13. Храм Susi. План (реконструкция)

он не был связан с определенным типом храмов. Теперь же раскопки на Арин-берде дали полное представление об архитектурном содержании этого урартского термина. В этой надписи также сообщается, что урартский царь Аргишти, сын Менуа, построив этот храм Susi, посвятил его

богу Иубша (возможно также чтение Иуарша²⁵), имя которого ранее в урартских надписях не встречалось. Г. А. Меликишвили этого бога сопоставляет с богом хетского пантеона и возникновение культа его в Эрбунни связывает с переселением пленных в Эрбунни из стран Цупани и Хате²⁶.

Храм Susi представляет собой прямоугольное в плане помещение, при внутренних размерах 5,05×8,08 м и наружных 10,00×13,45 м (рис. 12, 13). Таким образом, храм был небольшим, площадью около 40 кв. м. Предназначался он для ограниченного количества людей, почему и наличие его в дворцовом комплексе становится вполне понятным.

Несмотря на то, что западная стена храма сильно разрушена, все же план его выявляется полностью по наличным камням фундамента. Стена главного фасада сохранилась до высоты 2,6 м. Перед фундаментом западной стены храма по всей ширине интерьера уцелели остатки другого фундамента, который, надо полагать, принадлежал некогда стоявшему здесь жертвеннику. Примечательно, что, судя по сохранившимся остаткам фундамента, жертвенник стоял там, где обычно христианские базилики имели свое алтарное возвышение.

В отношении стран света план Susi также поставлен по диагонали, как это обычно для храмов Месопотамии.

Перекрытие Susi было плоским, и от него в обугленном состоянии сохранились куски балок, жердей и цыновок, т. е. все то, что обычно составляло перекрытие урартских построек.

Перекрытый таким образом храм, имеющий архитектурные росписи, должен был быть надлежаще освещен. Наличные стены Susi не сохранили каких-либо следов верхнебокового освещения, почему и следует предположить, что храм освещался верхним светом, через отверстие, устроенное в потолке, или, что также возможно, через дверной проем главного фасада. Возможность верхнего освещения вполне допустима еще потому, что при наличии в нем жертвенника отверстие в потолке требовалось и для вытяжки дыма.

Наружные архитектурные формы Susi, судя по его наличным остаткам, представляли собой лаконичные объемы, непосредственно вытекающие из прямоугольного плана сооружения. И лишь в средней части главного фасада, где устроен дверной проем, фасад отступает вглубь на 0,27 м. В результате вся наружная масса храма, как и внутреннее пространство, в своих границах обрисовывают четко построенные геометрические формы. Отличительной чертой этих форм является строгая симметрия. Объемы храма, его план и даже размещение клинообразных надписей на главном фасаде решены на основе полной симметрии, чего нельзя видеть в других постройках Арин-берда, а также Кармир-блур (рис. 11).

²⁵ Մ. Իսրայելյան. Արին-բերդի Susi տաճարը և նրա արձանագրությունները. «Հայ-հակահ ՍՍՌ ԳԱ Տեղեկագիր» (հաս. գիտ.), № 9, 1957, էջ 93—104:

²⁶ «Вестник древней истории», 1959, № 1.

Говоря об архитектуре внешних форм храма, следует обратить внимание на некоторые характерные детали его оформления. Так, камень и главным образом туф здесь, в Susi, использован только для двух нижних рядов сооружения, причем в чистой теске камень уложен только в толще дверного проема, затем в части главного фасада, где по обе стороны от входа высечены клинообразные надписи, а также в интерьере на 0,5 м от углов проема. В остальной части храма как снаружи, так и внутри туф уложен в получистой теске и затем покрыт штукатуркой. В связи с таким использованием камня чистой тески линия, разграничивающая его от оштукатуренной части фасада, обрисовывает не горизонталь, как обычно, а вертикаль.

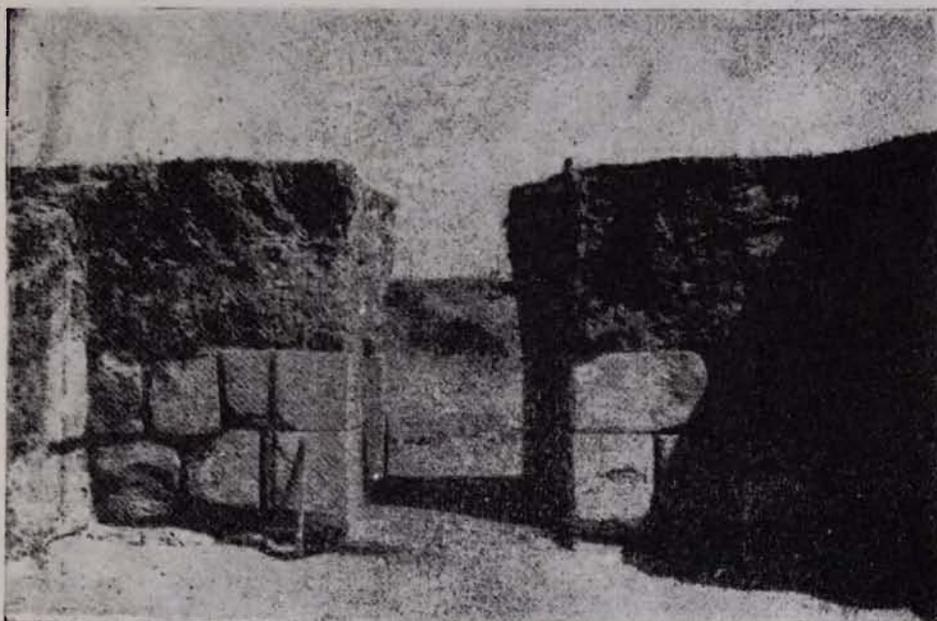

Рис. 14. Храм Susi. Интерьер

Таким образом, при сооружении Susi проявлена максимальная экономия в использовании камня чистой тески, уложенного только в наиболее необходимых местах, как, например, для мест клинообразных надписей или же где стена образует углы в проходах и, следовательно, подвержена более быстрой порче.

Все остальные фасады храма покрыты штукатуркой и окрашены в синий цвет. Поверх штукатурки помещалась архитектурная роспись, представлявшая фриз. В таком виде храм мог отличаться массивностью и парадностью своих архитектурных форм, говорящих на языке четких плоскостей и линий.

Парадным был и интерьер храма, где также была обнаружена синяя краска обвалившихся стен и на которых также были заметны следы росписи фриза (рис. 14).

Пространственные границы этого малого внутреннего помещения, охваченного мощными стенами, воспринимались как однородная, тяжелая масса. Мощность этих стен особенно сильно ощущается в дверном проеме, где толщина стен, при ширине проема 1,05 м, достигает 2,80 м. В связи с этим протяженность прохода, отделяющего экстерьер от инте-

Рис. 15. Дворец. Вход в залу с росписями

рьера, наряду с глухими стенами, придает сооружению характер статичной массивности, для которой пластика мелких деталей уже не может играть соответствующей роли. Здесь, следовательно, иное пространственное впечатление, чем в стоящем на площади большом здании, где в фор-

мах его широко раскинутого фасада многочисленны деревянные колонны придают пространственному восприятию здания определенную легкость и некоторую вертикальную устремленность.

Дополнением в архитектурной характеристике храма служат наблюдения, согласно которым внутреннее пространство Susi основано на строгой закономерности построения своих форм, что четко отражается в архитектурных пропорциях плановой композиции. Уже сами абсолютные размеры внутреннего пространства храма, равные $5,05 \times 8,08$ м, показы-

Рис. 16. Дворец. Северо-восточная стена зала с росписями

вают, что в основе интерьера лежит пропорциональный прямоугольник с соотношением сторон 5×8 . Но, как было нами выявлено еще раньше, соотношение 5×8 является основой урартских архитектурных пропорций, и, видимо, не только урартских, поскольку отдельные примеры этого соотношения, как и соотношения 7×11 , выявляются и для других архитектурных памятников²⁷. Подобные числовые соотношения, как показали исследования некоторых арин-бердских стеновых росписей, послужили также основой и для их построения. Такая строгая система архитектурных пропорций в урартских памятниках говорит о высокой художественной культуре древнего зодчества.

Итак, перистильный двор и отчасти примыкающий к нему Susi явля-

²⁷ К. Л. Оганесян. Кармир-блур. IV. Архитектура Тейшебаппи. АН Армянской ССР. Ереван. 1955, стр. 100—108.

ются центральным ядром дворца или главной частью его плановой композиции. Все остальные помещения соответственно связаны с этим дворцом. Так, вход во дворец с южной стороны имел широкий проем, обращенный в сторону площади цитадели. Эти ворота имеют большое проходное помещение, причем вход в него с площади имеет лестницу в семь ступеней. В проходе, в толщу стены, была вставлена уже упомянутая клинопись Аргишти I о сооружении Ê-GAL. Противоположный простенок ворот на той же высоте имеет углубление в каменной кладке, по-видимому для аналогичной, но в дальнейшем утерянной, клинописи. В этом случае и в воротах, так же как и на стенах Susi, клинописи были расположены симметрично (рис. 5).

Вход имел двухстворчатые ворота, от которых на месте сохранились

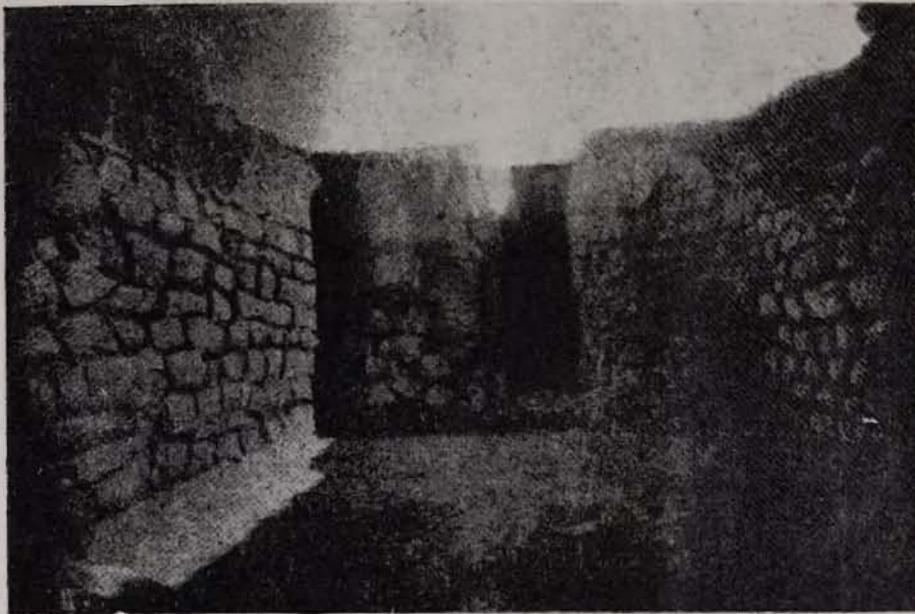

Рис. 17. Дворец. Ниша для жертвенника

лишь подпятные камни из туфа, установленные по обе стороны от лестницы. Что касается этой лестницы в семь ступеней, то, судя по различной их обработке, можно предположить, что только первая из них является первоначальной и относится к урартскому времени, а остальные шесть были добавлены при реконструкции дворца, возможно в ахеменидскую эпоху.

Проходное, прямоугольное в плане, помещение имеет с противоположной от входа стороны такой же проем, вводящий в портик перистильного двора. Из этого же помещения одна из дверей ведет в помещение с лестницей, расположенное справа от входа во дворец. В средней части этого помещения был воздвигнут массивный, прямоугольный в плане, пилон, вокруг которого, по всей ширине помещения, на различных вы-

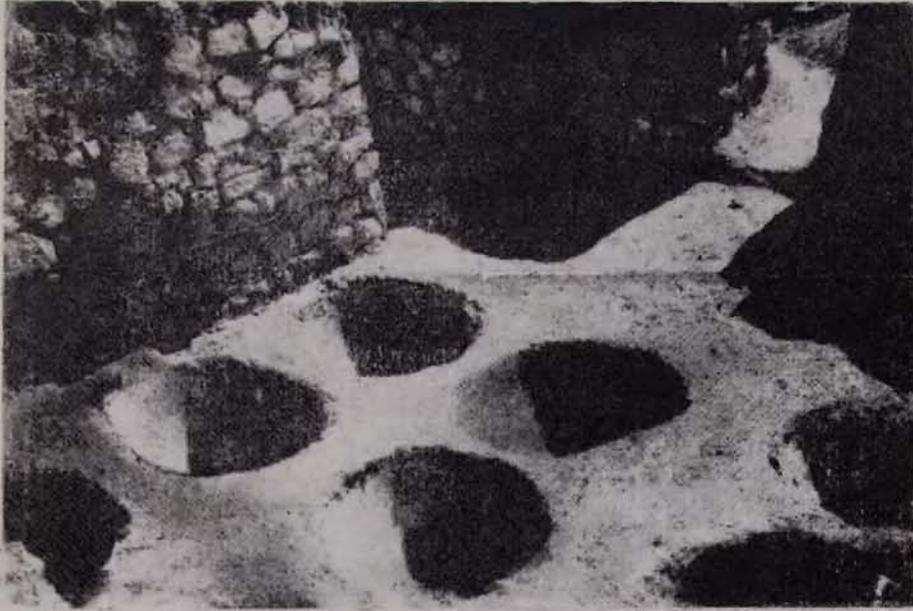

Рис. 18. Дворец. Красная комната

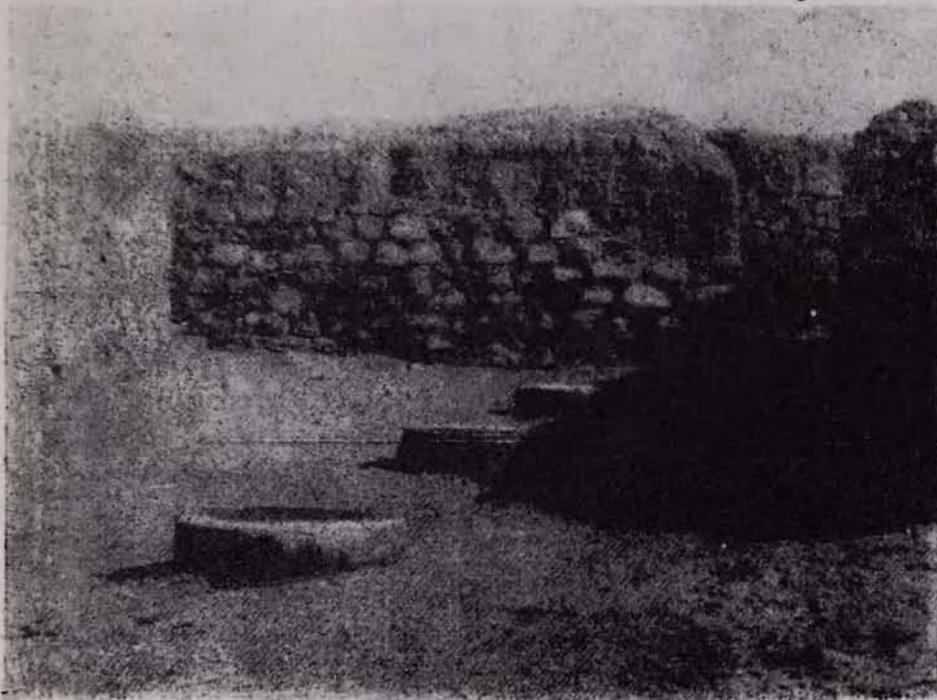

Рис. 19. Дворец. Колонный зал

сотах сохранились остатки кладки, служившей основанием для ступеней лестницы, ведущей на крышу здания. Лестницы подобной конструкции обнаружены на Арин-берде в двух его сооружениях, имелись также и в цитадели Тейшебаини.

Поскольку установлено, что раскопанная часть дворца была одноэтажной, можно предположить, что над лестницей находилось башнеобразное сооружение, чем подчеркивался фасад дворца со стороны площади цитадели. Но в то же время фасадная плоскость дворца имела в симметричном расположении широкие традиционные для зодчества Урарту контрфорсы, фланкирующие вход.

С левой стороны от входа во дворец и теперь можно видеть большой заложенный проем, который ранее служил проходом в соседнее помещение.

По-видимому, все эти комнаты, примыкавшие к проходному помещению, имели сторожевое назначение для дворца. Что касается самого проходного помещения, то оно было соответственно оформлено, на что указывают выявленные фрагменты росписей и раскрашенной штукатурки.

Обращаясь теперь к остальным помещениям дворца, можно видеть, что наиболее важными из них являются те, которые расположены по периметру перистилия. Так, три из этих помещений находятся против *Susi*, причем два связаны между собой дверным проемом.

Убрав позднейшую закладку дверного проема в первом предзальном помещении, где впоследствии была создана ниша, о которой скажем ниже, получаем вход в большой зал (разм. 7,4 × 17,0 м). Другой вход в этот же зал найден в симметричном расположении в третьем помещении. Таким образом, выявленный зал, равный ширине перистильного двора, своими симметричными входными помещениями создает строгую плановую композицию и парадность в архитектурно-пространственном восприятии (рис. 15).

В самом зале при его большой ширине (7,4 м) нет следов от баз для колонн, которые несли бы тяжесть перекрытия. Весь интерьер решен в виде единого внутреннего пространства, где только ниши, устроенные в продольных стенах — две с западной и одна с восточной — акцентируют это пространство (рис. 16).

Симметрично расположенные двери имеют отступы, образующие традиционные наличники, причем в данном случае с обеих своих сторон, чем подчеркивается их архитектурная равноценность.

Зал поражает богатством своего былого внутреннего оформления, композиционно разнообразными и многокрасочными росписями. Росписи образуют не фриз, как это обычно для других помещений, а широкую полосу, занимающую большую часть стены, начиная от отметки 1,4 м от уровня пола. Росписи обнаруживались и в нишах.

Судя по выявленным при раскопках раскрашенным в синий цвет потолочным доскам, был, следовательно, расписным и потолок. Кроме росписей, стены залы были покрыты коврами, поскольку здесь найдены места для зигатти (гвоздей).

Рис. 20. Дворец. Хозяйственные комнаты

Выявленный зал является самым подчеркнутым и важным местом дворца. Может быть это был зал царя Аргишти, который останавливался здесь во время своих походов на север.

Возвращаясь снова к описанию предыдущих помещений, отмечаем, что, несмотря на полное отсутствие в них археологического материала, все же представилась возможность выявить назначение входного и смежного с ним помещений после соответствующей реконструкции, в результате чего здесь была получена ниша. Эта ниша была образована путем закладки дверного проема, который вводил в фресковый зал дворца, и она напоминает обычную урартскую нишу, наиболее известной из которых является «Дверь Мгера» около Вана.

На полу этого помещения и главным образом в нише обнаружен толстый слой золы, достигающий до 20—25 см. В самой нише, кроме того, обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота, также побывавшие в огне. Сама ниша имеет на своих стенах следы обжига. Соседняя комната обнаружена пустой и, надо полагать, являлась подсобной для предыдущей. Вся эта обстановка, хотя и не обрисовывает сколько-нибудь цельной картины, однако определенно наводит мысль на то, что здесь происходили жертвоприношения и, следовательно, в целом комплекс описанных помещений представлял собой святилище (рис. 17).

Эта ниша похожа на святилище Вавилонского дворца. Такую нишу имеет и храм E. Mach в Вавилоне, а также главный храм в Тель-Армале²⁸.

В качестве аналогии можно, кроме того, привести и святилище из раскопок Тейшебаини, также представляющее комплекс, но в данном случае состоящее из трех помещений²⁹.

Такое назначение этих помещений, расположенных в ряд и находящихся против Susi, не удивительно, если вспомнить, что между ними в центре двора стоял жертвенник, имевший форму кубического массива, сложенного из камня на глиняном растворе. Под этим сооружением частично находится зольный слой, отсутствующий под каменным блоком со ступенькой. Таким образом, стало ясным, что каменный блок со ступенькой и зольный слой под жертвенником принадлежали урартскому времени (рис. 58). Что касается самого жертвенника кубической формы, то он, бесспорно, позднейшего происхождения.

Рассматривая дальше данный комплекс, под южной стеной перистилия находим скамью из сырцового кирпича, известную урартскому зодчеству и по другим его сооружениям. Наконец, пол в приведенных здесь сооружениях выложен из базальтовых плит, чем он выделяется среди остальной части перистильного двора, вымощенного мелким булыжником.

Весьма интересным является помещение, расположенное в северо-восточном углу перистильного двора, где было открыто 11 больших ка-

²⁸ Taha Baqir. *Babylon and Borsippa*. Government Press-Baghdad, 1959, стр. 7.

²⁹ Б. Б. Пиотровский. *Кармир-блур*. I, стр. 67. К. Л. Оганесян. *Кармир-блур*. IV, стр. 54—58

Рис. 21. Дворец. Кладовая с карасами

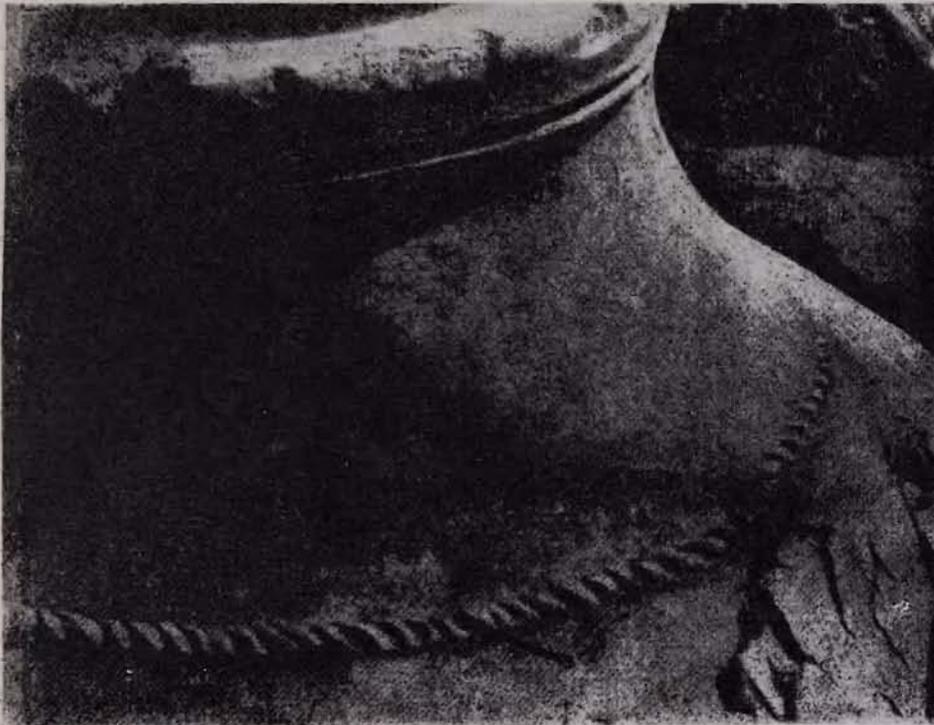

Рис. 22. Карас с клинописью из комнаты южной части цитадели

расов, каждый емкостью около 600 л. На первый взгляд, это помещение может показаться хозяйственным и потому несовместимым в смысле своего расположения в ряду культовых помещений дворца. Надо отметить, что эти карасы определенно предназначались для вина, на что указывают его следы, сохранившиеся в виде темного осадка. Но ни один карас не имел отметки емкости, как это обычно делалось на карасах хозяйственных кладовых. Поэтому само собой напрашивается предположение о том, что эти 11 карасов составляли не хозяйственную кладовую, а хранили вино для целей культа (рис. 18).

Мы хорошо знаем о том, что вино играло определенную роль в культовых церемониях урартов. Об этом у нас имеются прямые свидетельства. Так, в перечне добычи, захваченной Саргоном в мусасирском храме, упоминается «один большой сосуд (чан) из бронзы, вмещавший 80 мер воды, с крышкой из бронзы, который цари Урарту, при совершении жертвоприношений богу Халди, наполняли вином возлияний»³⁰. Действительно, на ассирийском рельефе из дворца Саргона, изображающем мусасирский храм, на первом плане изображено два больших котла, которые, в связи с приведенным сообщением, должны были также служить для возлияний. Такой котел был найден и на Кармир-блуре, причем диаметр его верхней части достигал 1,25 м. Надо думать, он имел назначение, тождественное мусасирскому, и также стоял перед храмом. Не исключена возможность, что, подобно многим другим предметам, и этот котел был привезен в Тейшебаини из Эребуни. В Эребуни, как можно видеть, имелись соответствующие храмы, перед которыми могли бы стоять эти котлы.

В дополнение к сказанному приведем оттиск печати из Топрах-кале, в свое время опубликованный Леман-Гауптом. Здесь перед священным деревом показана человеческая фигура в молитвенной позе, а перед ней кувшин, как мы полагаем, также с вином для жертвенных возлияний³¹.

Основываясь на приведенных выше данных, можно, как нам кажется, прийти к заключению, что данное помещение служило именно для хранения вина возлияний, о чем говорится в ассирийских источниках.

Обращаясь теперь к остальной части дворца, расположенной на северных склонах холма, севернее перистильного двора, и судя по добытым здесь археологическим материалам, а также по архитектуре помещений, можно предположить, что эта часть дворца носила светский характер (рис. 20).

К помещениям, имеющим светское назначение, прежде всего относится колонный зал, расположенный в северо-западной части перистильного двора. Зал не имел непосредственной связи с двором; между ними, как и в предыдущем фресковом зале, находилась проходная, или предзальная, комната, что еще более подчеркивало его парадное назначение (рис. 19).

В настоящее время от колонного зала сохранилась лишь его часть.

³⁰ Б. Б. Пиотровский. Урарту, стр. 226.

³¹ Там же, стр. 281.

Рис. 23. Храм бога Халди. Остатки портика

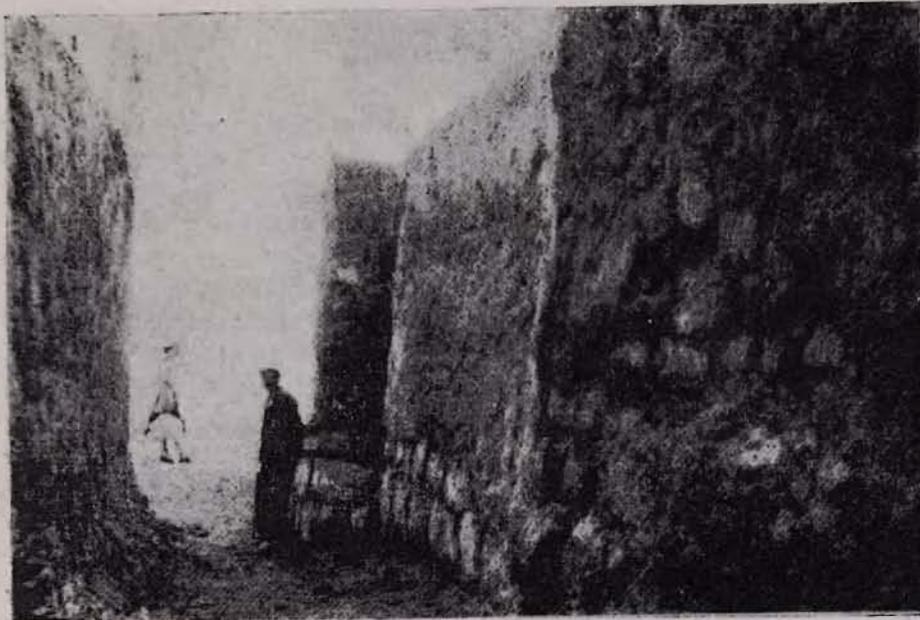

Рис. 24. Храм бога Халди. Южный фасад

в которой по продольной оси найдены три крупные базы, высеченные из туфа твердой породы и хорошо обработанные. Поскольку третья база находится на самой границе разрушенной части зала, надо полагать, что зал имел только эти три колонны. Длина зала может быть определена внешней стеной цитадели.

Кроме баз, в раскрытом помещении обнаружена глинобитная скамья, устроенная вдоль средней части южной продольной стены. Размеры зала говорят о том, что он мог служить для соответствующих торжественных или официальных приемов. О том, что зал был действительно

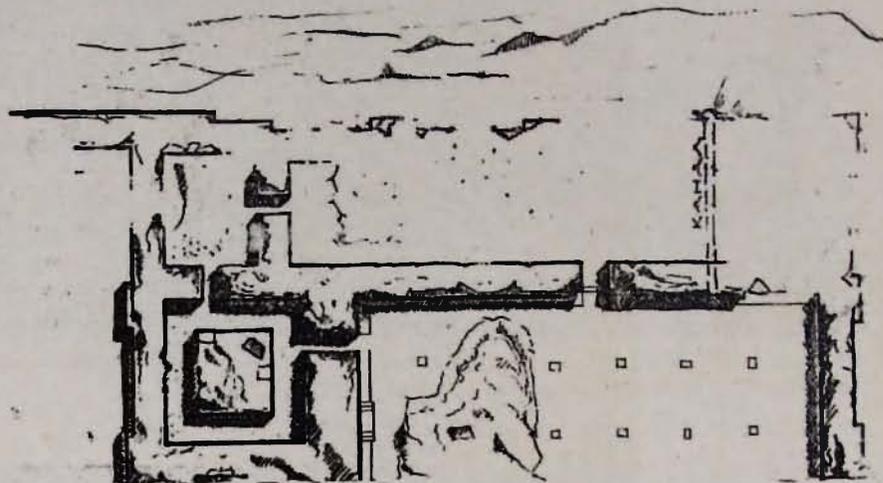

Рис. 25а. Храм бога Халди. План (обмер)

парадным, говорит, кроме того, и его архитектурное оформление. Так, потолки зала и предзального помещения состояли из широких балок со стесанными краями в нижней потолочной части, уложенных вплотную друг к другу³². Потолок был выкрашен в темно-синий цвет, представляя, надо полагать, небесный свод. Примечательно, что в этом светском помещении совершенно не было обнаружено следов какой-либо росписи.

Таким образом, перед нами открылось первое урартское светское зальное сооружение с легкой деревянной колоннадой. Теперь уже можно сказать, что подобные урартские сооружения в своих интерьерах имели не массивные формы, как это ранее представлялось по мощным пилонам помещений Арагаца и Кармир-блур, а легкость и даже определенное их изящество. Во всяком случае ряд деревянных колонн создавал здесь вертикальную устремленность и глубину восприятия своего пространства.

Надо думать, что такое пространственное построение зала с колоннами по его продольной оси своей начальной формой имеет жилую архитектуру. Об этом говорят жилые дома, раскрытые в городской части

³² Аналогичной конструкции потолок нами был обнаружен также и в одном из помещений Кармир-блур. См. К. Л. Оганесян. Архитектура Тейшебаини, стр. 90.

Кармир-блур, хотя по времени они и являются несколько поздними сооружениями, безусловно имевшими свои древние традиции³³.

На основании наличных остатков зала легко дорисовываются его былые архитектурные формы. По этим формам зал, имеющий на своей продольной оси колоннаду, представлял, несмотря на такое членение, единое внутреннее пространство. Судя по размерам баз, колонны имели значительную толщину и, возможно, как и в портиках соседнего сооружения, доходили до 0,4 м в диаметре. Можно предположить, что, так же как и потолок, эти колонны были окрашены.

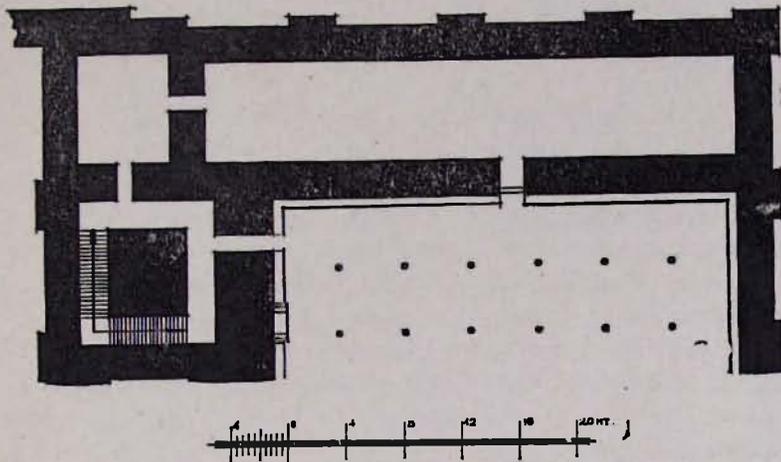

Рис. 256. Храм бога Халди. План (реконструкция)

На противоположной от зала стороне раскопками открыты пять расположенных в ряд комнат. Каждая из этих комнат имеет самостоятельный вход с перистильного двора и все комнаты, в свою очередь, сообщаются между собой. Это дает основание к предположению, что все они имели единое функциональное назначение. По всей вероятности, выход этих комнат в узкий коридор, образованный перед храмом Susi, и на площадку непосредственно перед ним говорит о связи этих комнат с храмом, как подсобных для него помещений.

Интересной оказалась находка, сделанная в дверном проеме, выходящем в коридор. Здесь найдены пока единственные на Арин-бердг остатки деревянной двери толщиной в 12 см.

Рассматривая, далее, комплекс двора, в ряду его помещений находим, устроенный между предзальной комнатой и карасной, коридор, который уводит в глубь северной части двора. По-видимому, именно отсюда был устроен основной вход из перистильного двора в жилую и хозяйственную часть двора.

Северная половина двора пока не закончена раскопками, но произведенные исследования определенно говорят о хозяйственном назна-

³³ Там же, стр. 30—31.

чении этого участка. Тут помещения располагались вокруг большого двора, в который симметрично выходят дверные проемы комнат (рис. 4). В западной части была обнаружена кладовая с крупными черными сосудами, врытыми в земляной пол.

Эта часть дворца существенно отличается от его средней части и в архитектурном отношении. Если перистильный двор с окружающими его помещениями был сооружен на предварительно выровненной местности, то здесь комнаты расположены по склону, что очень характерно для многих урартских подобных сооружений. Этот же принцип ступенчатости принят и в зданиях, построенных на западных скатах холма Аринберд. В результате мы имеем не только тесно связанные с рельефом местности здания, но и богатство их форм в пространственном восприятии (рис. 20).

На одной из таких ступенек, или выровненной площадке, расположен северный двор. Двор связывает различные уровни помещения лестницами, одна из которых обнаружена в его северо-западном углу.

Средняя часть двора еще не раскопана, однако, судя по остаткам многих стен, частично здесь раскрытых, уже теперь можно видеть, что двор был застроен и реконструирован впоследствии. Среди окружающих двор различных помещений только о назначении одного можно сказать с достоверностью как о кладовой, где раскрыты карасы с обозначениями их емкости. Остальные помещения не дали нужного археологического материала, позволяющего детально характеризовать их. Часто здесь выявляется битая керамика, которая лишь в целом определяет данную часть дворца как хозяйственную.

Итак, дворец на Арин-берде своими рассмотренными формами совершенно меняет наши прежние представления о характере урартских дворцовых построек и вообще о монументальном зодчестве Урарту, как имеющих одни только массивные, мощные и тяжелые архитектурные формы. Теперь уже видно, как деревянная колоннада зала или перистильного двора, стоящая на фоне раскрашенных стен, придает архитектурным формам интерьера определенную вертикальную устремленность, а следовательно и легкость в своем зрительном восприятии.

Новой представляется и форма перистильного двора, который являлся связующим звеном между различными дворцовыми помещениями и имел одиннадцать несимметричных дверных проемов. Все эти помещения, в ряду которых стоит также храм Susi, находились в подчинении господствующего в центральной части дворца перистиля. Это обстоятельство весьма примечательно, так как, кроме Египта, перистильный двор, судя по известным материалам, оставался неизвестной архитектурной формой для Передней Азии. В Месопотамии деревянные колонны не получили широкого развития в архитектуре, несмотря на то, что они встречаются в раннем шумерском зодчестве (Эль-Обсид, Ур, Киш), где основными формами являются массивные стены и узкие, перекрытые коробовым сводом или деревянным настилом помещения.

Обращаясь теперь к зодчеству Египта, можно отметить в нем не

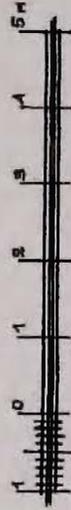
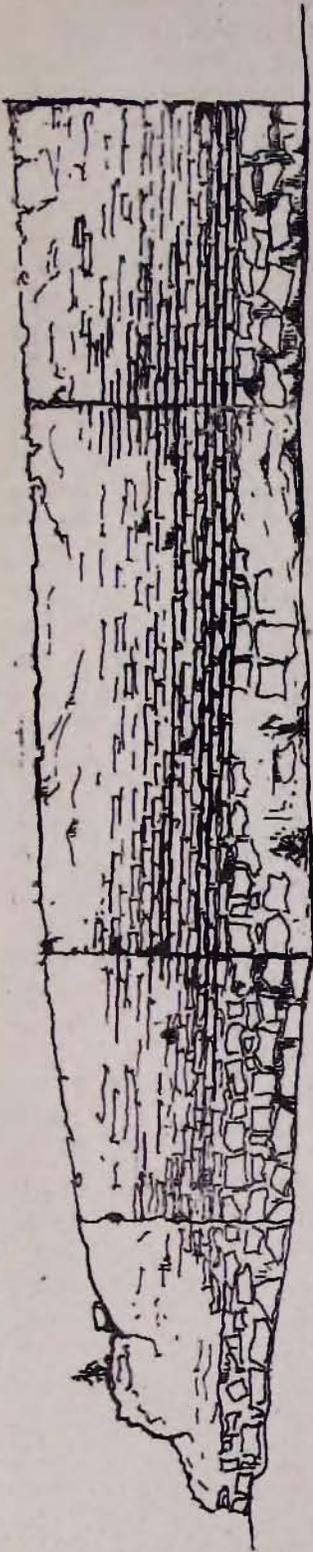

Рис. 26. Храм бога Халди. Обмер южной стены

только композиционное различие построения колоннад, но и характерные формы перистилия в культовых, дворцовых и жилых постройках. Между тем в перистильных дворах Египта монументальная колоннада заметно вытесняет собою пространство в портиках, и последние уже теряют свое пространственное выражение (Рамессеум, Мединет-Абу и др.). В этом смысле общность перистильных дворов Египта и Урарту имеет мало точек соприкосновения, что указывает на отсутствие генетической связи.

Можно полагать, что из стран Переднего Востока Мидия могла иметь, судя по некоторым ее жилым и монументальным сооружениям, композиционные решения пространственной организации, основанные на деревянной колоннаде. К ним относятся жилые дома северной части страны или же дворцы столицы Мидии — Экбатаны, в которых обнаружены многоколонные залы. Что касается самих перистильных дворов, то и здесь, в Мидии, мы их в явственных формах не находим.

Итак, пока только Урарту своими памятниками города Эребуни представляет перистильные дворцы древнего Востока. Это пространственное построение перистильных дворов могло здесь, на урартской почве, получить свое зарождение и развитие, имея исходные формы дворовых портиков с деревянными колоннами типа жилых домов Тейшебаини и урартского поселения села Арагац. Будучи расположенными вдоль одной из дворцовых стен указанных домов, эти портики могли бы путем простого повторения, оконтурив двор, перейти в перистильную форму. Известно также, что портики к рассматриваемому времени являлись составной частью урартских храмов.

Уже давно было указано на то, что перистильные дома эллинизма (имеющие в плане принципиальное сходство с урартским дворцом) в своем ядре имели мегарон (дома Приены)³⁴. Последний, как это теперь стало известно по раскопкам Тейшебаини, был знаком также и зодчеству Урарту. Однако в плановой композиции перистильного двора аринбердского дворца не видно следов, ведущих от мегарона, как основы формирования перистильного построения двора, что особенно четко выступает в сооружениях Крита. Все сказанное укрепляет нас в убеждении, что перистильное устройство дворов урартского дворца на Аринберде берет свое начало от портиков урартских жилых домов.

³⁴ «История архитектуры в избранных отрывках». Составили М. Алпатов, Д. Аркин, Н. Брунов. Изд. Всесоюз. Акад. арх. М. 1935. К. Свобода. Перистильные дворы и виллы эллинизма, стр. 113—120.